

Кусаева Залина Константиновна

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ИНДОИРАНСКОГО МИРА XSAR И FARN В ЯССКОЙ (ОСЕТИНСКОЙ) ОНОМАСТИКЕ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ ШВАРН

В статье на основе важных мировоззренческих понятий индоиранского мира xsar и farn, распространенных в ясской (осетинской) ономастике, предлагается этимологическое рассмотрение имени Шварн, принадлежащего отцу Великой княгини Владимирской - Марии, супруги Всеволода Большое Гнездо. Обоснована представленная тема дискутируемым на протяжении длительного времени вопросом этнического происхождения Шварна, а соответственно, и самой Марии. Работа представляет собой междисциплинарное исследование на стыке таких областей научного знания, как фольклористика, этнолингвистика, история, источниковедение. Результаты этимологического анализа позволили обосновать принадлежность имени Шварн к скифо-сармато-аланскому ономастиологическому фонду.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 1(79). Ч. 1. С. 28-34. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 398.221(470. 65)

*В статье на основе важных мировоззренческих понятий индоиранского мира *xsar* и *farn*, распространенных в ясской (осетинской) ономастике, предлагается этимологическое рассмотрение имени Шварн, принадлежащего отцу Великой княгини Владимирской – Марии, супруги Всеволода Большое Гнездо. Обоснована представленная тема дискутируемым на протяжении длительного времени вопросом этнического происхождения Шварна, а соответственно, и самой Марии. Работа представляет собой междисциплинарное исследование на стыке таких областей научного знания, как фольклористика, этнолингвистика, история, источниковедение. Результаты этимологического анализа позволили обосновать принадлежность имени Шварн к скифо-сармато-аланскому ономастическому фонду.*

Ключевые слова и фразы: Великая княгиня Мария Владимирская; Всеволод Большое Гнездо; Шварн; ясыня; фанр; ономастика; древнеиранский мир; осетинский язык.

Кусаева Залина Константиновна, к. филол. н.

*Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева (филиал) Федерального государственного учреждения науки Федерального научного центра «Владикавказский научный центр Российской академии наук» (СОИГСИ ВНИЦ РАН), г. Владикавказ
kusaevaz@mail.ru*

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ ИНДОИРАНСКОГО МИРА *XSAR* И *FARN* В ЯССКОЙ (ОСЕТИНСКОЙ) ОНОМАСТИКЕ: К ВОПРОСУ ОБ ЭТИМОЛОГИИ ИМЕНИ *ШВАРН*

Вопрос этнического происхождения Шварна – отца Великой княгини Владимирской – Марии, супруги Всеволода Большое Гнездо – на протяжении длительного времени представляется дискуссионным. Наряду с целым комплексом междисциплинарных исследований в области истории, источниковедения, антропологии, генетики, проводимых в настоящее время сотрудниками ряда отечественных и зарубежных научных центров для выяснения генетических корней Марии Всеволодовой, целесообразно этимологическое рассмотрение имени Шварн. Как известно из ряда летописных источников, этническая и сословная принадлежность Шварна зафиксирована в противоречивых вариантах: «князь ясский», «князь чешский», «король чешский», что изначально является поводом для разногласий исследователей.

Основные сведения о Великой княгине Марии, третьей канонизированной русской святой (в схиме Марфа +19. III. 1205/06), первой жене сына Юрия Долгорукого, Всеволода-Дмитрия III Большое Гнездо (1154-13.5.1212); князя Городец-Остерьского, Великого Князя Владимирского, содержатся в Русских Летописях и Сводах.

При должном внимании сообщения о Марии Всеволодовой можно распределить на 3 группы.

К первой группе относятся летописи, в которых повествуется о Марии без упоминания об ее отце, а соответственно, его этнической и сословной принадлежности: Лаврентьевская летопись [20, с. 178-179; 32], Новгородская первая летопись [18, л. 130 об.], Радзивилловская летопись [21, л. 244 об.], Ермолинская летопись [31, л. 95], Летописец Переяславля Суздальского [22, л. 537-537 об.], Типографская летопись [25, л. 121 об.], Симеоновская летопись [23, с. 42-46], Львовская летопись [30, л. 196 об. – 197] и пр.

Из второй группы известий следует, что Мария была по происхождению ясыней, что подтверждается данными Ипатьевской летописи и ее Хлебниковским и Погодинским списками [28, стб. 624, 625].

К третьей группе летописных источников, в которых Марию называют дочерью чешского князя Шварна, относятся: Родословные статьи русских князей, находящиеся перед Комиссионным списком Новгородской первой летописи Младшего извода [18, л. 11 – 11 об.], Родословные статьи в Летописи Авраамки [26, стб. 311], Владимирский летописец [24, л. 135 об.], Степенная книга царского родословия [29, л. 388 об. – 391 об.], Тверская летопись [26, стб. 301-302] и пр.

Проблеме этнического происхождения Марии Всеволодовой специально были посвящены три работы. Характерно, что все авторы либо однозначно [9; 37], либо с некоторыми оговорками [14] полагают, что Мария была чешкой. Версия же о «ясыне Марии», супруге Всеволода, восходит к В. Н. Татищеву и Н. М. Карамзину [8, с. 83; 34, с. 561].

Безусловно, важным представляется подробный анализ всех известных нам летописных источников, содержащих интересующие нас сведения, часто противоречивого характера, что предопределяет более предметное рассмотрение вопроса с этимологической точки зрения.

Сфокусируем свое внимание лишь на сведениях, содержащихся в Родословнике «Юрьевой» ветви Мономашичей из статей-приложений № 2 к Новгородской первой летописи Старшего и Младшего изводов [18, с. 246] и еще ряде других летописей. Начинается Родословник с упоминания об основании Мономахом *града Володимира Залешьскаго в Суждальской земли...* и приходе из Киева во Владимир Юрия Долгорукого; затем с фразы: *В лето 6663/1155г. Приде изъ Киева смиренный и Христолюбивый на великое княжение въ градъ Володимиръ князь великий Андрей Юрьевичъ безъ отца повеления...* повествуется о правлении и гибели Андрея; затем следует: *И въ первое лето мстить обиду брать его Михалко. Того же лета и умре. На трети годъ приде изъ заморья изъ Селуня братъ его Всеволодъ, нареченный въ крещении Дмитриш Юрьевичъ, ...[описание благих дел]... И княжи летъ 37. А княгини его Мариа Всеволожа Шварновна, дщи князя Чешьскаго, по стави церковь Успение святыя Богородица, новыи манастырь великымъ княгинямъ и т.д. [Там же, л. 11 – 11 об.]*

Родословник этот приложен к ряду летописей, либо частично включен в ряд других. «Растиражированная» таким образом фраза *Мария Всеволожа Шварновна, дщи князя Чешьского*, легко узнаваемая в любых ее витиеватых или упрощенных вариациях, и стала, с подачи некоторых тенденциозных авторов, пресловутым *комплексом летописных источников*. При этом создатели текстов предпочли не заметить и того, что, несмотря на приложенный Родословник, как в самой Новгородской I, так в Псковской, в Летописи Авраамки и во Владимирской Летописи отсутствуют указания *Шварновна* и *Чешский князь*. Соответственно, *все источники считают Марию чехиней* именно потому, что весь этот *комплекс летописных источников* является повторением одного и того же Родословника Юрьевой ветви Мономашичей «А се князи Русьстии».

Наиболее внятно, связно и полно материал изложен в Родословнике, приложенном к Новгородской первой летописи, писанном полууставом первой половины – середины XVI века и образующем единую логическую связку со статьей *А се князи Великого Новагорода* и другими приложениями к ней. Скорее всего, он и мог стать первоисточником всего остального *комплекса*.

Не выдерживает критики также свидетельство о том, что Летописец Владимирский, в котором Мария указана дочерью чешского князя Шварна, *создан в княжеском окружении, под редакцией самой княгини Марии*. Следует заметить, что Л. В. сохранился в двух списках XVI века (ГИМ, Синод. соб. № 793 и собр. Черткова № 362). Совершенно очевидно, что хронологически к созданию указанного Летописца XVI века никак не могла быть причастна сама Мария, умершая за 300 лет до его написания.

Важным аргументом представляется и факт отсутствия в чешских источниках сведений о существовании чешского князя, а тем более короля по имени Шварн. В связи с этим известный историк, славист А. В. Флоровский отмечал: «Когда-то верили, приведенному впервые у Карамзина† и, имеющемуся в Тверской летописи †† сведению, что первой женою Всеволода Юрьевича была Мария “дщи Шварнова чешского”; на надгробной плите (†1203) в Успенском соборе во Владимире отмечено ее монашеское имя – Марфа Шварновна (Карамзин). Это сведение могло подкрепить предположение о связях Всеволода с Чехией, следовательно, и о пребывании его 1165 году при короле Владиславе. Однако Шварн в чешской историографии не известен, хотя имя это могло быть и чешским, поскольку в чешском языке существует слово *švarný* = опрятный †††. Имя это зато известно в практике южной Руси и Галицкой земли (один из сыновей кн. Даниила Романовича именовался Шварни*), но это имя могло быть и не славянского происхождения**, Мария (Марфа) была, кажется, по происхождению ясыня. Видимо, в сообщении Тверской летописи имеем дело с некоторой путаницей***» [36, с. 89-90].

Относительно надгробной надписи следует учитывать, что в XIII веке Батый и Тудан (*Дюдень*) дважды разорили Владимир. Но поистине катастрофичным стало нападение Талыча в 1411 году, когда город, включая монастырские постройки и храмы, был почти полностью разрушен и сожжен; жар был такой, что *колокола растопились от пожара*. В 1521 году Владимир вновь был жестоко разорен Мехмет-Гиреем. В XVI веке указом Василия III на старом фундаменте был выстроен по московскому образцу одноглавый крестово-купольный храм с сохранением части древних стен (местами до трех метров высотой), но они скрыты под кирпичной кладкой XVI века. По заказу патриарха Иосифа в 1647-1648 годах московскими мастерами Марка Матвеева были выполнены росписи. В 1665 году был пристроен Христорождественский придел на севере; в 1749 – Благовещенский придел на юге; в 1823 – паперть на западе. Таким-то образом гробница Марии-Марфы и оказалась в 1749 году в южном Благовещенском приделе храма. Соответственно, надгробная надпись, о которой свидетельствовал Карамзин, по времени могла быть сделана никак не раньше всех указанных построек.

Излагая свою точку зрения относительно имени Шварн и понимая, что его принадлежность к чешской ономастике не может быть подкреплена фактами, М. В. Щепкина высказала предположение, что оно соотносится с латинским именем *Северин*, которое в галицко-волынском произношении перешло в *Шварн-Шварно*. Поскольку отчество в средневековой Чехии не употреблялось, М. В. Щепкина далее полагает, что Мария могла получить отчество *Шварновна* в Юго-Западной Руси в силу того, что «такое необычное произношение» не являлось характерным ни для Киева, ни для Руси Северо-Восточной [37, с. 70]. Однако, как замечают А. Ф. Литвина и Ф. Б. Успенский, нет оснований полагать, что латинское имя *Северин* в XII-XIII веках каким-то образом фигурировало в Юго-Западной Руси, а тем более произносилось как *Шварн*, поскольку такое произношение должно предполагать достаточно высокую степень адаптации оригинала [14, с. 380].

Чтобы не показаться тенденциозными, отметим, что существующая гипотеза, согласно которой имя Шварн возводится к чешскому *švarný* со значением «опрятный», «чистый», «красивый» «храбрый» (последнее – в моравской диалектной группе), интересна с точки зрения согласования с общим алгоритмом превращения слов подобной семантики в прозвища, ставшие именами, и их последующей антропонимизацией. Прилагательное *švarný* действительно известно в чешском языке, но с XVI века. Кроме того, оно встречается в польском, словацком, украинском (заимствовано из польского), в верхне- и нижнелужицком языках, ср.: пол. *szvarny*, слов. *švárny*, укр. *švarnyj*, луж. *švarny*, но в указанных языках оно никак не этимологизируется. Возможные варианты: из древневерхненемецкого *sūbar* (в настоящее время *sauber*) – «чистый, опрятный»; морав. *ošvářit ušvářit* – «очистить»; *švářit se* – «льстить = делать хорошим»; или от **sъ-tvar-ьnъ* [41, с. 632].

Поскольку предполагаемые чешские корни Шварна в чешской историографии не подкреплены сведениями исторических источников, о чем свидетельствуют многочисленные исследования (Н. М. Карамзин [8, с. 420], В. Т. Пашуто [19, с. 427], А. В. Века [4, с. 87], А. Нечволодов [17, с. 332-335], А. П. Новосельцев, С. Т. Еремян [7], Ю. А. Лимонов [13, с. 98], С. А. Белокуров [3, с. 5], В. Б. Виноградов, С. А. Голованова [5, с. 214] и др.), на наш взгляд, поиск этимологического развития его имени на чешском лексическом материале лишен оснований. В то время как его яское (аланское) происхождение находит подтверждение данными этимологического анализа.

С учетом вышесказанного просмотрим отдельные летописные известия, в которых упоминается имя Шварн. Под 1146 год в Лаврентьевской летописи говорится о том, что в ходе очередной княжеской междоусобицы Изяслав Мстиславич послал против Святослава Ольговича «Шварна и Изяслава Давидовича и взяша полона много у Карачева». Ипатьевская летопись дает несколько другие сведения: «Изяславъ Мьстиславичъ и Володимиръ Давидвичъ пославша брата своего Изяслава съ Шварномъ, а сами по немъ идоста». Следующий раз летописец упоминает Шварна под 1152 год, когда он вместе со сторожами Изяслава Мстиславича охранял от половцев брод через Днепр у Витичева: «Изяславим сторожам стоящим на оной стороне со Кшварномъ и не дадущимъ вбрести въ Днепръ». Однако после того как половцы на конях стали форсировать реку, «сторожеве же Изяславли оубоявшеся бежаша». «Шварно же то видивъ, побеже». В качестве оправдания ему летописец говорит, что «не бяше ту князя, а боярина не вси слушаютъ».

Как видно из представленных летописных источников, имя Шварн засвидетельствовано в двух вариантах: *Шварн* и *Кшварн*. В некоторых текстах встречается оно и в форме *Сварн*. Несмотря на то, что ученые не включали в круг своих исследовательских интересов изучение варианта Кшварн, зафиксированного в Ипатьевской летописи, именно эта форма, на наш взгляд, является более архаичной, находящейся ближе других к этимону. Формы же Шварн / Сварн в иноязычной передаче данного имени утратили инициальный согласный, точнее, представляют результат упрощения инициального кластера согласных [киив]. Соответственно, указанное имя для носителей русского языка было семантически незначимым и записывалось летописцами в том виде, который они считали наиболее приближенным к оригиналу. Очевидно, что к моменту письменной фиксации, в определенный период хождения в неясской (аланской) среде, оно могло подвергнуться упрощению (усечению). Вследствие этого можно предположить, что приведенные ономазиологические формы представляются адаптированными вариантами оригинального мужского имени *Ахшварфарн* [*Xsarfarn*], содержащего два важных мировоззренческих понятия древнеиранского мира: *хсар* и *фарн* (**xšaθra-* и **farnah* (**hwarnah*)), определенным образом связанных между собой [40, S. 170]. Следовательно, данное имя представляется как двучленное композитное образование, которое могло подвергнуться морфологическому упрощению, результатом фонетической редукции которого стала форма *Кшварн*.

По нашему мнению, представленную форму (соответственно, и производные от нее варианты Сварн / Шварн) следует рассматривать как сложное слово, смыслообразующие компоненты которого (*ахшвар* и *фарн*) до настоящего времени занимают значительное место в этнокультурной традиции осетин, язык которых относится к северо-восточной подгруппе иранской группы индоиранской ветви индоевропейских языков. При этом в первой части имени *Ахшварфарн* / *Хсарфарн* (**Axsarfarn* / **Xsarfarn*) при развитии осетинского *ахсар* прослеживается элизия инициального гласного [æ]. Во второй же части, содержащей корень *фарн*, наблюдается закономерный переход тождественных звуков, поскольку ближайшим позиционным вариантом фонемы [ф] является аллофон [в]. Важно, что лексемы, входящие в состав указанного имени, в осетинский и в протоосетинский период обнаруживают выраженный ономазиологический потенциал, особенно в качестве собственного имени лица с высоким социальным статусом. Материалы антропонимики древнеиранских, а соответственно, яских (аланских) и осетинских источников фиксируют многочисленные аналогии имен и фамилий, а также терминов, содержащих приведенные понятия, активно используемые и в современной осетинской лексикографии. К примеру, осетинская фамилия Шуарнагае [Шварновы] (в данном случае осетинскому согласному у [w] соответствует русское и грузинское в [v]) бытует по настоящее время в Южной Осетии и Грузии.

Согласно научным изысканиям В. И. Абаева, лексема **xsar* / **axsaræ* – «боевая доблесть», «сила», «власть» восходит к древнеиранскому.

**xšaθra*, арийская форма – *ksatra* – и является важным социальным термином индоиранского мира. В догосударственный период термин означал «военную силу», «военную доблесть». Эта семантика преобладает в осетинском языке. С образованием государства стал обозначать «государственную власть», «государство», «царство», «центр» государственной власти, «город». По трифункциональной концепции Ж. Дюмезиля, на создание которой его натолкнула структура осетинского Нартовского эпоса, данное понятие связано со второй, то есть военной функцией. Соответственно, термин встречается также и в качестве мужских личных имен: *Artaxšassa* / *Артаксеркс* (осетинское **Ardæxsar*), *Irdakšara*, *Ramakšara* [42, S. 261]. В осетинской «Нартиаде» имена эпонимных героев *Xsar (t)* и *Xsærtæg* этимологически также восходят к указанному термину. Согласно эпическим сюжетам, *Ахсæртæg* [*Ахшартаг*] является родоначальником касты воинов – рода *Ахсæртægкатæ* [*Ахсартаговых*]. Характерно, что имена *Ахсар/Хшвар* [*Ахшвар* / *Хшвар*] и *Ахсæртæg* [*Ахсартаг*] в осетинской ономастике употребимы поныне [1, с. 224].

В. И. Абаев отмечает, что понятие *xsar*, распространенное в осетинской лексике, входит в состав нескольких сложных слов весьма архаического порядка: **xsar-gard* / *хсаргард* / **xšaθra-kšarta* / *шашка*; *darğæxsaræ* / *долгосильный*; *rdynæxsar* (**druna-xšaθra-*) / *доблестный стрелок из лука* и др., а также, как упоминалось выше, составляет ряд личных имен: др. персидское – *Artaxšassa* – личное имя *Артаксеркс* (осетинское **Ardæxsar*) [Там же, с. 225]. Данная лексема легко распознается в сарматских личных именах Северного Причерноморья (в греческой передаче ζαρθ), *Ξαρταμος*, Φαρνοζαρθος и соответствует осетинской форме **Farnæxsar* [*Фарнахшвар*], которая, как и исследуемый нами вариант *Xsarfarn* [*Ахшварфарн*], является двучленным композитным образованием, составные единицы которого также представлены понятиями *xsar* и *farn*. При этом своеобразие осетинских вариантов состоит в том, что *farn* понимается как высшее благо мирной жизни, а *xsar* – высшее достоинство в бою [Там же]. Этимологическая идентичность обеих форм очевидна и обосновывается как *благословенная доблесть*.

Соответственно, представленные варианты имен являются грамматически разными формами вследствие инверсии, где при перестановке корней меняется положение определения по отношению к определяемому слову. Показательно, что обе конструкции характерны для иранских языков, в том числе и древних [39]. В первом варианте *Xsarfarn* определяемым словом является корень *xsar*, а в качестве определения представлен стоящий за ним корень *farn*. При этом использование соединительной гласной между составными частями данной лексемы исключается, поскольку перед сонорными согласными [rʃ] стоит сильный гласный [a]. Во втором примере *Farnæxsar*, где своеобразной структурно-морфологической чертой является предпозитивная качественная определительная конструкция, определяемым словом также является корень *xsar*, но в данном случае ему предшествует лексема *farn*, выполняющая функции определения. Следует отметить, что первая ономастическая форма соответствует современному фарси (западно-иранский язык), а вторая конструкция – современному осетинскому языку. В восточно-иранских языках, к которым относится и осетинский, в архаический период существовали обе лексические формы [12, с. 100].

Предлагаю этимологическое толкование лексемы *Farn / farnæ*, В. И. Абаев отмечал, что это общеиранское полурелигиозное понятие, точное значение которого трудно определить; будучи дериватом «неба-солнца», оно обозначало все то благое, источником чего древние мыслили «небо-солнце»: «небесная благодать», «благополучие», «преуспевание», «благопристойность», «мир», «тишина»; *færnyg | færnug* – «наделенный фарном», «преуспевающий», «богатый», «щедрый»; *færngyn | færngun* – «имеющий фарн», «благопристойный» [2, с. 421].

Термин восходит к иранскому **hvarnah-* (от *hvar* – «солнце»): персидская форма – *farr* – «блеск», «великолепие», «пышность», согдийская – **farn (frn, prn)* – «слава», «знамение», **farnbērtak* – «носитель фарна», *farnxwantak* – «наделенный фарном», **dinifarn* – «фарн религии» (среднеосетинская – *dini farn*), **βayifarn* – «божий фарн» (среднеосетинская – *xucawi farn*), аланская – фару, скифский – фарv-, *farn*, древнеперсидская – *farna* [38, р. 139].

В. И. Абаев приводит ряд иранских собственных имен, в частности, скифо-сарматских, в которых обильно представлена лексема *farn*: *Фарvης, Фарvαης, Фарvαυος, Фарvουvος, Фарvοξαρvος, Хофарvος, Σαvταфарvης, Οvαταфарvης* и др. Известно, что у осетин существует фамильное имя *Færniatæ* (*Фарниевы*), а в нартовском эпосе один из главных героев зовется *Buræ-færnyg | Boræ-færnug*, т.е. «Бора, наделенный фарном». Любопытно, что название планеты Венера в осетинском языке также этимологически восходит к указанной лексеме: *Vonværnion* (из *Von-farnion*), буквально «вестница дневного фарна» [2, с. 422].

Термин *farr* (*fārr-fārrē*), восходящий к авестийскому *Xvarenah*, часто встречается в поэме Фирдоуси Хаким Абулькасима «Шахнаме» («Книге царей») – выдающемся памятнике персидской литературы, национальном эпосе иранских народов. Он имеет более глубокое значение, чем дословно переводимое «царское величие, слава». Фарр – не просто блеск, слава, величие, как бы отражение царского сана, пышность и т.д., а некая благодать, ниспосланная свыше и отмечающая избранника ореолом. Фарр может быть ниспослан, может быть потерян и вновь возвращен (как у героев поэмы Джемшида и Куй-кавуса), может быть унаследован или вообще дается роду и переходит в пределах того же рода. Все вышесказанное переключается с представлениями об особой значимости сохранности «фарна» как высшей благодати в осетинской этнокультурной традиции, где активно бытует благопожелание: *Фыдæлты фарн ма фесæфæт* (*Пусть не исчезнет фарн предков!*) [11, с. 618]. Аналогичные мотивы встречаются как в поэме «Шахнаме», так и в осетинской «Нартиаде», что свидетельствуют об их единых древнеиранских корнях [33, с. 137].

Реальным, видимым воплощением фарна в предисточниках является то птица (царственный сокол, орел), витающая над избранником, то баран (символ силы, могущества). На позднейших – сасанидских – барельефах можно различить изображение фарна в виде нимба, ореола лучей вокруг головы владыки. В «Шахнаме» фарр сохраняет свое глубоко традиционное и специальное значение. Фарром в поэме отмечены не только владыки Ирана, но и избранная страна – благодатная Априана (Иран).

Обратимся к тексту поэмы:

820 *Отважный Джемшид, молодой властелин,
Заветам родителя преданный сын,
Надев золотую корону царей,
Воссел на престол по закону царей.
И царский над ним воссиял ореол,
И каждый почтить властелина пришел.
Земля отдохнула, раздоры забыв;
Джемшиду и зверь покорился, и див.
И славной людей одарил он судьбой;
Державный престол озарил он собой.
Он молвил: «Изда со мной благодать:
Мне быть и мобедом, и шахом подстать.
Я злых обуздаю, их в пепел сотру
И душу открою навстречу добру» [35, с. 35].*

В приведенном отрывке следует обратить внимание на строфу 825: «Он молвил: „Изда со мной благодать”». – *Изда благодать* в подлиннике – *фārrē йе Изāи*. Слово *фарре*, или чаще *фарр*, у Фирдоуси встречается в значении *пышность, блеск, царственное великолепие*. В данном тексте, как и по большей части

во всей поэме, оно имеет особое терминологическое значение, восходящее к авестийскому *Хварно* – царская слава; *фарр* – это божественная благодать, эмблема царственного происхождения и призвания.

Понятие фарн прочно закрепилось в фольклорно-этнографической традиции осетин, в частности, обрядовых формульных структурах: молениях, благопожеланиях, наставлениях, восхвалениях и др. – и занимает в них значительное место. Современный историко-социальный контекст наглядно демонстрирует, что активное массовое использование микротекстов, содержащих указанное понятие, не утратило своей актуальности. Их бытование прослеживается как в повседневной речевой практике, так и в эпической традиции осетин [10].

Одним из устойчивых выражений в речевом этикете героев осетинской «Нартиады» является пожелание «фарна» Оно наиболее часто употребляется в приветствиях:

– *Фарн уæ хæдзары æмæ уæ райсом хорз! /
Фарн пребудет в вашем доме, и доброго вам утра* [15, с. 63]!

Показателен в данном контексте кадаг (сказание) *Уырызмаджы куывд æмæ зарæг (Молитва и песня Уырызмага)*. Это одна из редких жанровых форм, встречающихся в Нартовском эпосе. Песней-благопожеланием, содержание которой отражает систему ценностей нартовского общества, почтенный Уырызмаг наставляет будущих героев:

– *Нæ фæсивæд, фæрнæй цæрат,
Сослану нын хъаруджын уат,
Батрадзау æндон сæрст уат,
Ацæмæзау мæлгъæвзаг уат,
Æнусбонты æнæниз,
Арсы ныхтау дзæмбыджын уат,
Къуырттон каркау бæдулджын уат,
Зæхх, дурау та бындурджын уат,
Æппæт ран дæр æмвæнд куыд уат,
Гъе афтæмæй фæрнæй цæрат* [39]! /
*Юноши наши, живите с фарном,
Как Сослан будьте доблестными,
Как Батраз, подобно стали, закаленными,
Как Ацамаз красноречивыми,
В веках здоровыми,
Как медвежий коготь мощными,
Как наседка плодовитыми,
Подобно земле и камню основательными,
Повсеместно дружными,
Вот так живите с фарном!* (все переводы с осетинского языка осуществлены автором статьи. – З. К.).

В речевой практике современного осетинского общества сохранили свое живое функционирование такие устойчивые фразеологизмы, как *Бæсты фарн (фарн Света, Вселенной)*, *Дунейы фарн (Мировой фарн)*, *фынджы фарн (фарн фынга)*, *адæмы фарн (фарн человечества)*, *бинонты фарн (фарн семьи)*, *къонайы фарн (фарн домашнего очага)*, *фыдæлты фарн (фарн предков)* и мн. др.

Благопожелания, смысловая нагрузка которых основана на сакральности понятия «фарн», повсеместно употребляемы:

– *Дунейы фарнæй хайджын ут! /
Будьте одарены Вселенским фарном!*
– *Фæрнæйдзаг у! /
Будь преисполнен фарном!*
– *Фынджы фарн бирæ уæд, фынг бахатыр кæнæд! /
Пусть фарн фынга преумножается, да простит фынг!*
– *Табу фынджы фарнæн! /
Почтение фарну фынга (фынг – трехногий столик для ритуальной пищи)!*

Сакральные смыслы мифологема «фарн» имеют особую значимость и в свадебной обрядности осетин, к примеру, в обрядовом молении перед отправлением невесты из родительского дома:

*Вот, наша младшая, ты идешь в новый дом,
И пусть та семья, в которую ты идешь,
будет для тебя счастливой.
Пусть Фарн Вселенной благословит тебя!
Пусть новый дом станет для тебя домом Фарна* [6, с. 267]!

Фигурирует мифологема «фарн» и в возгласе шаферов при вводе невесты в дом жениха: *фарн фæсæуу!* (*фарн шествует!*), а также звучит в благопожеланиях во время совершения обряда снятия фаты. «Упоминание Фарна наблюдается во многих свадебных песнях осетин, например таких, как “Алай зарæг” и “Медмоси инай”. Считалось, что упоминание Фарна способствует сохранению небесной благодати в том доме, из которого уходит невеста» [Там же].

В эпическом повествовании понятие *фарн* используется не только в благопожеланиях. В некоторых текстах оно персонифицировано в образе *Фарны зæд* (*Ангел фарна*), древнего святого, дающего человеку счастье и направляющего его на праведный путь.

Примечательно, что в кадаге *Как Елой Елуаты убил Нарта Базырыхъо* (*Елуаты Елой Нарты Бызырыхъойы куд амардта*) по совету святого Елуаты Елой добывает себе *фарны лæдзæг* (*трость фарна*) – чудесный предмет, самостоятельно истребляющий врагов своего хозяина [16, с. 575].

Смысловые коды понятия фарн используются нартовскими героями и в клятвенных уверениях:

– *Нæртон фарны стæн! / Клянусь фарном нартов* [15, с. 31].

Вызывают интерес самобытность и оригинальность традиционного исполнительского искусства осетин, отличительной чертой которого является употребление сказителями (*кадаггæнæг*) благопожеланий с мифологемой «фарн», адресованных слушателям по завершении сказаний:

– *Фæрнæйдзаг ут! /*

Будьте преисполнены Фарном!

– *Йæныр, Фарн хъусджытæн, æмæ уыдоны æрцыдмæ дзæбæхæй фææцæрут! /*

А теперь Фарн слушателям, и живите счастливо до возвращения тех, о ком повествовалось.

Резюмируя данное исследование, представляется возможным сформулировать вывод о том, что этимологическое рассмотрение имени Шварн, позволило определить его принадлежность к скифо-сармато-аланскому ономазиологическому фонду. В ходе анализа установлено, что формы Кшварн / Шварн / Сварн, являясь производными имени *Æxsarfarn*, этимологически соотносятся с важными мировоззренческими понятиями индоиранского мира *xsar* (*боевая доблесть*) и *farn* (*божественная благодать*), сохранившими особую значимость в этнокультурной традиции осетин и обнаруживающими выраженный ономазиологический потенциал, заложенный в данном случае в семантике собственного имени лица с высоким социальным статусом.

Список источников

1. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. Л.: Наука, 1989. Т. IV. 326 с.
2. **Абаев В. И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 4-х т. М. – Л.: Изд. Академии наук СССР, 1958. Т. I. 656 с.
3. **Белокуров С. А.** Сношения России с Кавказом. М.: Университетская типография, 1889. Вып. 1. 715 с.
4. **Века А. В.** История России. Мн.: Харвест, 2005. 426 с.
5. **Виноградов В. Б., Голованова С. А.** Страница русско-кавказских отношений XII века // Вопросы истории. 1982. № 7. С. 214-232.
6. **Дзлиева Д.** К вопросу о семантике благопожелания Фарн фææцæуы в осетинской свадьбе // Лавровский сборник: материалы XXXIII Среднеазиатско-Кавказских чтений. Этнология, история, археология, культурология. СПб., 2008-2009. С. 265-269.
7. **Еремян С. Т.** Юрий Боголюбский по армянским и грузинским источникам // Научные труды Ереванского государственного университета. Ереван, 1946. Т. XXIII. С. 389-421.
8. **Карамзин Н. М.** История государства российского: в 12-ти т. Репринтное воспроизведение издания 1842-1844 гг. М.: Книга, 1989. Т. III. Кн. I. 174 с.
9. **Кишкин Л. С.** Мария Всеволожая – ясыня или чехиня? // Исследования по истории славянских и балканских народов. Эпоха средневековья. Киевская Русь и ее славянские соседи / отв. ред. В. Д. Королук. М.: Наука, 1972. С. 253-269.
10. **Кусаева З. К.** Арфæтæ (благопожелания) в системе эпического повествования осетинской «Нартиады» // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: материалы научной конференции. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2013. С. 52-65.
11. **Кусаева З. К.** Функциональные особенности благопожеланий в осетинском и калмыцком фольклоре // Фольклор монгольских народов: историческая действительность: материалы международного конгресса 2-5 октября 2013. Элиста: Джангар, 2013. С. 612-623.
12. **Кусаева З. К., Сатцаев Э. Б., Таказов Ф. М.** Джалган и джалганцы: Синтез персидского и аланского компонентов (по материалам фольклорно-этнографической и лингвистической экспедиции 14-18 июня 2016 г.) // Известия Северо-Осетинского Института гуманитарных и социальных исследований. Владикавказ, 2016. Вып. 21 (60). С. 96-104.
13. **Лимонов Ю. А.** Владимир-Суздальская Русь. Л.: Наука, 1987. 217 с.
14. **Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.** Кем была «Мария Всеволожая»? Отчество и происхождение трех русских княгинь XII в. // Выбор имени у русских князей в X-XV вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М.: Индрик, 2006. С. 368-381.
15. **Нарты кадджытæ. Ирон адæмон эпос** (Сказания о нартах. Осетинский народный эпос): в 7-ми т. Дзæуджыхъæу: Ирстон, 2002. Т. 1. 590 с.
16. **Нарты кадджытæ. Ирон адæмон эпос** (Сказания о нартах. Осетинский народный эпос): в 7-ми т. Дзæуджыхъæу: Ирстон, 2010. Т. 5. 768 с.
17. **Нечволодов А.** Сказание о Русской земле: в 4-х ч. Изд-е 4-е. СПб.: Гос. Тип., 1913. Репр. М.: ЭКСМО, 2007. Ч. II. 420 с.
18. **Новгородская первая летопись 1950 – Новгородская первая летопись Старшего и Младшего изводов** / под ред. А. Н. Насонова М. – Л.: Изд. АН СССР, 1950. 580 с.
19. **Пашуто В. Т.** Внешняя политика Древней Руси. Генеал. табл. № 8. М.: Наука, 1968. 474 с.
20. **Полное собрание русских летописей** (ПСРЛ): в 43-х т. Л.: Изд. АН СССР, 1926-1928. Т. I (а). Лаврентьевская летопись. 379 с.
21. **ПСРЛ:** в 43-х т. Л.: Наука, 1989. Т. XXXVIII. Радзивилловская летопись. 178 с.
22. **ПСРЛ:** в 43-х т. М.: Археографический центр, 1995. Т. XLI. Летописец Переславы Суздальского. 184 с.
23. **ПСРЛ:** в 43-х т. М.: Знак, 2007. Т. XVIII. Симеоновская летопись. 328 с.
24. **ПСРЛ:** в 43-х т. М.: Наука, 1965. Т. XXX. Владимирский летописец. 240 с.

25. ПСРЛ: в 43-х т. Петроград: Государственная типография, 1921. Т. XXIV. Типографская летопись. 271 с.
26. ПСРЛ: в 43-х т. СПб.: Типография Елеонского и К^о, 1889. Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. 399 с.
27. ПСРЛ: в 43-х т. СПб.: Типография Л. Демиса, 1863. Т. XV. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. 504 с.
28. ПСРЛ: в 43-х т. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. Т. II. Ипатьевская летопись. 638 с.
29. ПСРЛ: в 43-х т. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. Т. XXI. Ч. I. Степенная книга царского родословия. 342 с.
30. ПСРЛ: в 43-х т. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. Т. XX. Ч. I. Львовская летопись. 418 с.
31. ПСРЛ: в 43-х т. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1910. Т. XXIII. Ермолинская летопись. 239 с.
32. ПСРЛ: в 43-х т. СПб.: Типография Э. Праца, 1846. Т. I (6). Лаврентьевская летопись. 271 с.
33. Сатцаев Э. Б. Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). Владикавказ: Ир, 2008. 238 с.
34. Татищев В. Н. История российская: в 12-ти кн. М.: Императорский Московский университет, 1769. Кн. I. Ч. II. 600 с.
35. Фирдоуси. Шахнаме: в 2-х т. М.: Издательство АН СССР, 1957. Т. I. 675 с.
36. Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне. Очерки по истории чешско-русских отношений (X-XVIII вв.): в 2-х т. Прага: Orbis, 1935. Т. I. 528 с.
37. Щепкина М. В. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство. Рукописная книга / ред. В. Н. Лазарев, О. И. Подобедова, С. О. Шмидт. М.: Наука, 1972. С. 60-80.
38. Gerschevitch I. Sogdian Compounds. Trans. Philol. Soc. Basil – Blackwell – Oxford, 1945. 428 S.
39. Kusaeva Z. K., Sattsaev E. B., Takazov F. M. Features language villagers dzhalgan derbent district of Dagestan [Электронный ресурс] // International journal of applied and fundamental research (Based on ethno-linguistic expedition of June 14-18, 2016). 2016. № 6. URL: www.science-sd.com/468-25130 (дата обращения: 09.11.2016).
40. Lommel H. Die Yašt's des Awesta. Göttingen – Leipzig, 1927. 480 S.
41. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha: Československé akademie věd, 1968. 868 s.
42. Mauryhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1973. 447 S.

IDEOLOGICAL CONCEPTIONS OF INDO-IRANIAN WORLD XSAR AND FARN IN YASINIA (OSSETIAN) ONOMASTICS: ON THE PROBLEM OF “SHVARN” NAME ETYMOLOGY

Kusaeva Zalina Konstantinovna, Ph. D. in Philology

V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies (Branch)
of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz
kusaevaz@mail.ru

Relying on the important ideological conceptions of the Indo-Iranian world XSAR and FARN popular in Yasinia (Ossetian) onomastics the article provides an etymological analysis of Shvarn name which belonged to the father of the Grand Princess of Vladimir – Maria, the wife of Vsevolod the Big Nest. The relevance of the research is justified by the fact that the problem of Shvarn, and, consequently, Maria herself, ethnic origin evokes continuous discussions. It is an interdisciplinary study at the junction of such scientific areas as folkloristics, ethno-linguistics, history, source studies. The etymological analysis allowed the author to conclude on belonging of Shvarn name to the Scythian-Sarmatian-Alanian onomasiological fund.

Key words and phrases: Grand Princess Maria of Vladimir; Vsevolod the Big Nest; Shvarn; Yasinia; Khvarenah; onomastics; Old Iranian world; Ossetian language.

УДК 82-14

В статье рассматриваются особенности пейзажной лирики сибирского поэта Г. Ф. Сысолятина, представлен анализ программных произведений по данной тематике. Особое внимание уделено эстетическому восприятию пейзажа, а также идейному миру и философии пейзажной лирики поэта. Раскрыты некоторые аспекты природной тематики и ее проблемного видения, психологические черты, присущие пейзажу в поэтике Г. Ф. Сысолятина. В статье предпринята попытка проанализировать причины обращения автора к данному пласту лирики, показать специфику, неповторимость авторского взгляда на природу, возможности её воплощения в поэзии.

Ключевые слова и фразы: Г. Ф. Сысолятин; пейзажная лирика; философия природы; идейный мир; мотивы и образы; авторский идеал.

Ломилкин Александр Николаевич

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, г. Абакан
oranta91@mail.ru

ПЕЙЗАЖ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ ЛИРИКИ Г. Ф. СЫСОЛЯТИНА

Пейзажная лирика занимает особое место в творческом наследии сибирского поэта Геннадия Филимоновича Сысолятина. Автором написано свыше 65-ти стихотворений, посвященных природной тематике, что составляет примерно одну треть его лирического творчества. Стержневым здесь является «вечный» вопрос о значении